

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300012340-4

## **Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг.\***

**А.Н. Панов***Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).**Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.*ORCID: <https://orcid.org/0000-003-0236-3756>e-mail: [panov.taishi@yandex.ru](mailto:panov.taishi@yandex.ru)*Статья поступила в редакцию 21.09.2020.*

---

**Резюме.** В статье анализируются и оцениваются основные итоги политики президента Д. Трампа в АТР в 2017–2020 гг. Прежде всего, рассматривается курс США в отношении Китая. Содержится вывод о том, что принципиальная оценка Пекина как «стратегического соперника» привела к принятию Вашингтоном важнейших практических шагов антикитайского характера по всем направлениям. Попытки китайского руководства не допустить крайнего обострения американо-китайских отношений, в том числе за счёт значительных, сделанных впервые уступок в торгово-экономической сфере, не смогли предотвратить введение в 2020 г. американской администрацией ряда серьёзных антикитайских мер, затрагивающих «коренные интересы Китая».

Развернув беспрецедентную по масштабам политику давления на КНДР, Д. Трамп поставил ситуацию на Корейском полуострове на грань войны. Вместе с тем, он добился приостановки северокорейским руководством реализации ракетно-ядерной программы. Однако «окончательно» устранить северокорейскую «ядерную угрозу» американскому президенту не удалось. Более того, ему пришлось пойти на уступки: фактически признать в качестве партнёра северокорейского руководителя, дать определённые гарантии безопасности КНДР, фактически признать ядерный статус Пхеньяна.

Демонстрируя в отношении Японии дружескую позицию, признавая её важнейшим союзником США в АТР, Д. Трамп, тем не менее, добивался и добился уступок Токио в большем открытии японского рынка для американских товаров. Стороны подтвердили неизбежность двустороннего военно-политического союза, в рамках которого Токио готов увеличить свой вклад, в том числе в большей степени компенсировать расходы США на размещение своих войск на японской территории и увеличить закупки американских вооружений. В то же время в 2020 г. под предлогом высокой стоимости японское правительство отказалось от закупок американских наземных противоракетных систем «Иджис».

Региональная политика Д. Трампа с точки зрения американского военного присутствия в АТР преследовала курс «перебалансировки» предшествующей администрации Б. Обамы. Вместе с тем, этот курс был дополнен концепцией «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Хотя эта концепция не получила доктринального оформления, она была воспринята в региональном сообществе как ответ на китайскую инициативу «один пояс, один путь». Каких-либо существенных шагов для её реализации предпринято не было. Концепцию поддержали Япония и Австралия, Индия сохраняет

---

\* Продолжение статьи см. «США & Канада». 2020. № 12. – Ред.

приверженность политике неприсоединения, страны АСЕАН восприняли её настороженно, так как не видят в ней для себя достойной роли и не хотели бы ссориться с Китаем. Кроме того, многие страны АТР, в том числе союзники США, недовольны эгоистичной, изоляционистской торгово-экономической региональной политикой Вашингтона.

**Ключевые слова:** Д. Трамп, Си Цзиньпин, Ким Чен Ын, Мун Чжи Ин, С. Абэ, американо-китайская торговая война, Китай – «стратегический соперник», северокорейская ракетно-ядерная проблема, японо-американский военно-политический союз, концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

**Для цитирования:** Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020; 50(11): 22-45. DOI: 10.31857/S268667300012340-4

---

## The Results of the Asia-Pacific Policy of President D. Trump, 2017-2020

**A.N. Panov**

*Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.*

*2/3, Khlebny pereulok, 121069, Moscow, Russian Federation.*

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0236-3756> e-mail: [panov.taishi@yandex.ru](mailto:panov.taishi@yandex.ru)*

*Received 21.09.2020.*

---

**Abstract:** The article analyses and evaluates the major results of the president D. Trump's policy in the Asia-Pacific region in 2017-2020. First of all, the article looks at the course of the U.S. policy toward China. The conclusion is that the consistent view of Beijing as a "strategic rival" has led Washington to take major practical steps aimed against China in all directions. Attempts of the Chinese leadership not to allow an extreme worsening of the American-Chinese relations, including serious concessions which were made for the first time in trade and economic spheres, were unable to prevent introduction by the American administration several serious anti-Chinese measures in 2020, which affected "the core interests" of China.

D. Trump unleashed unprecedented policy of putting pressure on North Korea, which put the situation on Korean Peninsula on the brink of war. At the same time, he secured a suspension of the implementation of the nuclear and missile program by the North Korean leaders. However, the American president was unable to reach the "complete" elimination of the North Korean "nuclear threat". More than that, he was forced to make concessions: in fact, to recognize the North Korean leader as a partner, to give certain security guarantees to North Korea and to de facto recognize nuclear status of Pyongyang.

D. Trump demonstrated friendliness toward Japan, recognizing it as the most important ally of the U.S. in the APR, but at the same time he succeeded to get concessions from Tokyo in greater openness of Japanese market for American products. Both sides confirmed unshakeable status of the bilateral military-political alliance in which Tokyo is ready to enlarge its contribution, including in a bigger degree compensate the U.S. expenses for deployment of its forces on Japanese territory and increase purchases of American armaments. At the same time in 2020, using the pretext of its high cost Japanese government refused to purchase American land-based Aegis Ashore antimissile system.

Regional policy of D. Trump from the point of American military presence in the APR followed the course of "rebalance" of the Obama administration. At the same time, this course was complemented with conception of the "Free and Open Indo-Pacific Region". Though this

concept did not receive a doctrine status, it was perceived in the regional community as a response to Chinese Belt and Road Initiative. No substantial steps to realize this concept were taken. The concept was supported by Japan and Australia. India retains commitment to the policy of nonalignment, ASEAN states considered the concept with caution, because they do not see an adequate role in it for themselves and don't want to quarrel with China. More than that many states of the APR, including the U.S. allies are dissatisfied Washington's with selfish and isolationist trade and economic policy in the region.

**Keywords:** *D. Trump, Xi Jinping, Kim Jong Un, S. Abe, American-Chinese trade war, China "strategic rival", North Korean missile-nuclear program, Japanese-American military-political alliance, conception of the "Free and open Indo-Pacific region".*

**For citation:** Panov A.N. The Results of Asia-Pacific Policy of the President D. Trump. 2017-2020 years. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020; 50(11): 22-45.

DOI: 10.31857/S268667300012340-4

## ВВЕДЕНИЕ

Азиатско-тихоокеанская политика занимала внимание Д. Трампа ещё до избрания его президентом. А поскольку новый руководитель США вознамеривался «перевернуть все камни» американской политики в отношениях с Китаем и «разом решить северокорейскую ракетно-ядерную проблему», можно исходить из того, что «дальневосточное досье» практически постоянно присутствовало на его рабочем столе в Овальном кабинете.

## КИТАЙ КАК «СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОПЕРНИК» США

Если администрация Б. Обамы характеризовала «китайский подъём» как «вызов» для США, то Д. Трамп и его команда перевели Китай в разряд «стратегических соперников» [Панов А.Н., 2019: 184-195].

Негативное отношение Д. Трампа к Китаю отчётливо проявилось в ходе его предвыборной кампании. Он делал акцент на том, что для США главная угроза исходит не от экономически «незначительной» России (возможность военно-стратегической угрозы в расчёт не принималась в силу наличия взаимного потенциала сдерживания), а от Китая.

Именно Китай, по убеждению Д. Трампа, способен стать не просто экономическим конкурентом США, но уже на данном этапе, обладая огромными финансово-экономическими возможностями, намеревается приступить к реформированию мировой торговой и валютно-финансовой системы с целью вытеснения США с доминирующих позиций. Не случайно в своих предвыборных заявлениях Д. Трамп жёстко критиковал ущербную для американской экономики политику Китая и грозил серьёзными «ответными мерами».

Стивен Беннон, сыгравший весьма важную роль в разработке политической философии Д. Трампа, отмечал, что США находятся в состоянии экономической войны с Китаем, и прогнозировал в ближайшие 25-30 лет выход этой стра-

ны на позиции гегемона, если США не перестроят свою производственную базу в течение 5–10 лет [R. Kuttner, 2017].

Как отметил в интервью японской газете «Асахи симбун» принимавший участие в разработке стратегии национальной безопасности США, одобренной в конце 2017 г., помощник президента по национальной безопасности Г. Макмастер (занимал этот пост в 2017–2018 гг.), в ней был обозначен наиболее существенный сдвиг в американской внешней политике с конца холодной войны. В китайской политике он основывался на предположении, что предыдущая политика на китайском направлении была «фундаментально ущербной». При этом он пояснил, что существовала вера в то, что Китай, вовлечённый в международное сообщество и международную торговлю, будет действовать по принятым правилам, осуществит либерализацию своей экономики, отойдёт от государственного капитализма в пользу экономики свободного рынка и в конечном счёте, «начав процветать», либерализует и свою форму правления.

Однако к 2017 г. в США стали признавать, что Китай не только не идёт по пути либерализации, но начал проводить весьма агрессивную внешнюю политику и продвигать альтернативную систему, своего рода современную форму вассальной зависимости стран, которые готовы были играть по китайским правилам [1].

Оценки Д. Трампа Китая как наиболее динамичного и крупнейшего соперника США в современную эпоху носят принципиальный и неизменный характер. При этом он разделяет мнение немалого числа представителей американского истеблишмента о том, что проводившаяся на протяжении многих лет, в том числе в период президентства Б. Обамы, стратегия поощрения участия Пекина в деятельности международных организаций и институтов, а также региональных структур безопасности при одновременном проведении политики сдерживания, главным образом путём наращивания американской военной мощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе (так называемая «политика перебалансировки»), себя не оправдала.

Как подчёркивают в своей статье авторитетные специалисты по азиатско-тихоокеанской проблематике Курт Кэмпбелл, бывший помощник заместителя госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана, и Элай Ратнер, бывший заместитель советника по национальной безопасности вице-президента Дж. Байдена, «ни пряники, ни кнут не повлияли на Китай, как предсказывалось. Дипломатическое и коммерческое вовлечение не привело к его политическому и экономическому открытию. Ни американская военная мощь, ни региональное балансирование не остановили стремление Пекина сместить ключевые компоненты системы, возглавляемой Соединёнными Штатами. А либеральный международный порядок не смог завлечь или привязать к себе до ожидавшейся степени. Вместо этого Китай следовал своим собственным курсом, противоречившим ряду американских расчётов» [Kurt M. Campbell and Ely Ratner, 2018].

Недовольство США при президенте Д. Трампе не ограничивалось только торгово-экономической политикой Китая. Список претензий был и остаётся довольно широким и включает набор, который наиболее полно был изложен в выступлении вице-президента М. Пенса 4 октября 2018 г. в Гудзоновском институте. В нём, прежде всего, присутствует традиционная критика китайской торговой политики, сконцентрированной на краже американской интеллектуальной собственности и технологий, используемых не в последнюю очередь для наращивания вооружённых сил КНР. Китайские компании обвиняются в том, что отказываются от бизнеса с американскими корпорациями, если те не соглашаются выступать с критикой в адрес политики администрации США.

Но главный акцент в выступлении был сделан на том, что Пекин использует возросшие возможности в политической, экономической, военной и пропагандистской области для активного продвижения своих интересов по всему миру. Конкретно: китайские госкомпании предоставляют развивающимся странам льготные кредиты на реализацию инфраструктурных проектов, используя их для вовлечения этих стран в долговую зависимость, а в счёт погашения кредитов получают контроль над инфраструктурными и сырьевыми объектами. Последовала критика использования Пекином разностороннего давления на страны, которые поддерживают дипломатические отношения с Тайванем, с тем чтобы они их разорвали и признали Китай.

В выступлении не была обойдена и тема «китайской военной экспансии» в Южно-Китайском море, строительства там военных укреплений, «перехвата» китайскими ВМС американских кораблей, осуществляющих проход в районе спорных островов и атоллов.

Вице-президент суммировал претензии американской администрации в отношении политики китайского руководства в сфере прав человека, в области политических и религиозных свобод в Китае. С привлечением конкретных примеров он информировал о подавлении политических и религиозных свобод, гонении на приверженцев христианского вероисповедания, репрессиях в отношении мусульман и буддистов в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Впервые второе высшее должностное лицо в Вашингтоне развёрнуто высказалось по поводу вмешательства Китая во внутреннюю и внешнюю политику США. По словам М. Пенса, представители американских разведывательных служб информировали его о том, что «русские “делают пустяки” по сравнению с тем, что делает Китай в попытках повлиять на американское общественное мнение». Согласившись с такой оценкой действий КНР, вице-президент напомнил, что Китай вмешивался в избирательную кампанию 2016 г. Теперь он вмешивается в промежуточные выборы и делает это, поскольку «хотел бы другого американского президента». А в целом Китай ведёт комплексную, скоординированную кампанию «по подрыву главных американских идеалов» [2; 3].

В китайском руководстве преобладало мнение, что на президентских выборах в США в 2016 г. победу одержит Хиллари Клинтон. Такая позиция не могла остаться незамеченной американскими политологами [Stone Fish Isaac, 2016]. Более того, в Китае хотели видеть на посту президента США именно её, а не Д. Трампа, который в китайской политической и деловой элитах создал себе репутацию «непредсказуемого деятеля», а в предвыборных выступлениях весьма жёстко высказывался относительно китайской внешней политики, особенно внешнеторговой. Примечательно, что, по некоторым сведениям, в Пекине ещё до окончания подсчёта голосов на президентских выборах в США была подготовлена поздравительная телеграмма в адрес Х. Клинтон.

В Китае негативные оценки Д. Трампу начали ставить ещё до его инаугурации. 2 декабря 2016 г. Д. Трамп ответил на телефонный звонок президента Тайваня Цай Инвэнь, которая одной из первых поздравила его с победой на президентских выборах. Незамедлительно появились предположения о возможности изменений Вашингтоном трактовки «политики одного Китая» и более активном использовании «тайваньской карты» в отношениях с Пекином.

Негативная реакция на десятиминутную американо-тайваньскую беседу на высшем уровне последовала не только в американском экспертном сообществе, но прежде всего с китайской стороны.

8 декабря китайский стратегический бомбардировщик, способный нести ядерное оружие, совершил облёт китайских морских границ в Южно-Китайском море. 15 декабря авианосец «Ляонин» осуществил проход вблизи Тайваня.

«Молодой, неопытный» президент скорректировал позицию по тайваньской проблеме, причём с явным «перебором». Он заявил, что, если в будущем появится потребность в телефонных разговорах с главой тайваньской администрации, он будет согласовывать их с руководством КНР. До этого принципиальная позиция Вашингтона состояла в том, что никакие действия в отношениях с Тайванем не подлежат обсуждению с Пекином.

В состоявшемся 10 февраля 2017 г. телефонном разговоре с Си Цзиньпином Д. Трамп заверил, что он будет уважать «политику одного Китая». Председатель КНР отметил готовность работать с США, чтобы обеспечить «более продуктивные результаты в интересах народов двух стран и всех государств мира» [4]. Лидеры двух стран выразили желание обменяться визитами.

Китайское руководство, судя по всему, расценило «тайваньский инцидент» как проявление неопытности нового американского президента и заняло двойственную позицию: с одной стороны, выжидательную – следует подождать, когда сформируется в полной мере политика Д. Трампа на китайском направлении, а с другой – приступить к налаживанию контактов и связей с новой администрацией в Белом доме.

В поздравительной телеграмме по случаю победы Д. Трампа на президентских выборах председатель КНР Си Цзиньпин определил те принципы, на которых Китай готов строить отношения с США при новом главе Белого дома. Это

отказ от конфликтов и конфронтации, взаимное уважение, взаимная выгода, расширение сотрудничества двух стран на двусторонней основе, в региональных и глобальных масштабах, решение разногласий конструктивным путём. При этом китайский руководитель охарактеризовал Китай как крупнейшую развивающуюся страну, а США – как крупнейшую развитую страну [5].

Хотя Д. Трамп по своим взглядам был и остается «антикитайски настроенным», в первые два года своего президентства он по внутриамериканским причинам был вынужден сосредоточиться на «противодействии» России. Очевидно, что бороться с «двумя врагами», да ещё столь сильными – Москвой и Пекином – для Д. Трампа и американской элиты выглядело стратегически неразумным. Белый дом не только смягчил риторику в отношении Китая, но и начал демонстрировать дружеское расположение к китайскому руководству.

Кроме того, Белый дом в 2017–2018 гг. был особо заинтересован в поддержке Китаем его «наступательной стратегии» в отношении КНДР.

Китайское руководство позитивно откликнулось на такой подход Вашингтона, так как не было заинтересовано вести дело к обострению отношений и, особенно, к торговой войне.

В результате состоялся обмен визитами на высшем уровне, в ходе которых стороны постарались не затрагивать в конфронтационном духе имеющиеся проблемы, а сконцентрировались на позитивных перспективах развития отношений.

6–7 апреля 2017 г. в частной резиденции американского президента во Флориде состоялась первая личная встреча Д. Трампа и председателя КНР Си Цзиньпина.

Американо-китайский саммит не привёл к каким-либо серьёзным договорённостям, но продемонстрировал намерение сторон избегать излишнего обострения имеющихся противоречий. Д. Трамп признал Тайвань частью Китая. Было объявлено о начале переговоров по торговле. Стороны отметили, что ракетно-ядерная программа КНДР представляет серьёзную угрозу в регионе. Китайский руководитель не счёл необходимым реагировать на американский удар «томагавками» по Сирии в ответ на якобы использование сирийскими войсками химического оружия, о чём было ему сообщено Д. Трампом на совместном ужине.

В целом встреча во Флориде, которая прошла, по обоюдной оценке сторон, в дружеской атмосфере, позволила установить непосредственный контакт между высшими руководителями двух держав. Несмотря на то, что практические результаты оказались более чем скромными, Д. Трамп начал публично оценивать отношения США с Китаем как «выдающиеся», а председателя КНР стал именовать «своим другом».

Дальнейшие события в двусторонних отношениях развивались неоднозначно и позволили выявить ряд важных, принципиальных тенденций.

Были предприняты шаги по налаживанию постоянного диалога, в том числе на высшем уровне. Только в 2017 г. состоялось рекордное число телефонных разговоров Д. Трампа и Си Цзиньпина. Стороны запустили четыре двусторонних диалоговых механизма в дипломатии, экономике, социальной и гуманитарной сфере, в области соблюдения законов и кибербезопасности.

Но прежде всего руководство двух стран попыталось согласовать принципы, на которых обе страны готовы будут регулировать и развивать свои отношения. Это удалось в значительной степени сделать по итогам государственного визита Д. Трампа в Пекин 8–9 ноября 2017 года.

Как было подчеркнуто в газете «Жэньминь жибао», председатель КНР и президент США отметили, что «сотрудничество является единственным правильным выбором для двух стран, обоюдный выигрыш будет способствовать лучшему будущему» [6]. В более конкретном плане на этот счёт высказался государственный секретарь США Рекс Тиллерсон на встрече с председателем КНР в марте 2017 г., подчеркнув, что «США готовы развивать отношения с Китаем на основе принципов “нет конфликтам, нет конфронтации”, взаимного уважения и сотрудничества по формуле обоюдного выигрыша (*win-win*)» [Laura Rosenberger, 2017; Feng Zhang, 2017.].

Фактически Д. Трамп и его команда приняли предложенные китайским руководством принципы двусторонних отношений, которые оно ставило условием их «развития в благоприятном направлении».

В Пекине американский президент подтвердил, что Вашингтон будет твёрдо придерживаться «принципа одного Китая».

Было достигнуто согласие укреплять контакты на высоком уровне между разными ведомствами двух стран, развивать связи и сотрудничество в торгово-экономической, военной, правоохранительной и гуманитарной сферах, усиливать координацию и взаимодействие по важным международным и региональным вопросам.

В этом контексте было заявлено, что КНР и США будут продолжать углублять общение и взаимодействие для выработки мер, которые необходимо будет предпринять Китаю и США с целью решения проблемы Корейского полуострова (имелась в виду, прежде всего, северокорейская ракетно-ядерная программа) путём диалога и переговоров. Стороны обещали не признавать ядерный статус КНДР.

Было продемонстрировано намерение обеих сторон «сохранять мир и стабильность в районе Южно-Китайского моря» и «все споры решать путём мирных переговоров и диалога». Также было обещано «поддерживать свободу плавания и полётов разных стран в этом регионе в соответствии с международным правом». Подчеркнув важность военных связей, стороны высказались за углубление контактов и диалога на различных уровнях командования вооружёнными силами.

По наиболее актуальной для Д. Трампа проблеме американского торгового дефицита китайская сторона пошла на определённые уступки. Были подписаны контракты и двусторонние инвестиционные соглашения на сумму свыше 250 млрд долл. Однако большинство договоренностей носили рамочный характер и для их реализации требовались конкретные, продолжительные переговоры. Это касалось обещания Пекина вложить 43 млрд долл. инвестиций в газовый проект на Аляске и закупить 300 самолётов компании «Боинг» на сумму 37 млрд долл. Китайская сторона, воспользовавшись любовью Д. Трампа к «яркому, но пустому пиару», предоставила ему такую возможность, но ушла от серьёзного разговора по проблемам, в решении которых более всего заинтересован американский бизнес – в большем доступе на китайский товарный и финансовый рынки, в обязательстве «не воровать» американскую интеллектуальную собственность, снять блокировки с «Фейсбук» (*Facebook*) и «Гугл» (*Google*) в Китае, не требовать от американских компаний создавать совместные предприятия с китайскими компаниями и передавать им передовые технологии, а также отказаться от создания на предприятиях США в Китае парткомов КПК.

Но не успели, как принято говорить в таких случаях, высохнуть чернила с подписями президента США и председателя КНР на одобренных в Пекине документах, как Д. Трамп продемонстрировал, насколько искренне он собирается считать Китай «добрым партнёром» США.

В декабре 2017 г. Д. Трамп подписал Стратегию национальной безопасности США, в которой Китай и Россия охарактеризованы как «ревизионистские державы», игнорирующие суверенные права своих соседей, как страны, действия которых подрывают международный порядок и стабильность. Китай, кроме того, был определён как «стратегический конкурент» Соединённых Штатов.

Было отмечено, что «реализация китайских программ военного строительства имеет ближайшей целью установить гегемонию Пекина в Азии, а конечной – перехватить у Соединённых Штатов роль глобального лидера» [7].

31 января 2018 г., выступая в Конгрессе с докладом «О положении в стране», Д. Трамп охарактеризовал Китай и Россию как противников (*rivals*), которые противостоят американским интересам, экономике и ценностям США [8].

В сентябре 2018 г. Государственный департамент объявил о введении санкций в отношении китайского Управления по развитию военной техники, структуры которого занимаются закупками для всех вооружённых сил страны. Введение санкций было аргументировано закупками управлением российских вооружений.

В «ответ» Пекин отменил намечавшийся на октябрь 2018 г. заход американского военного корабля в порт Гонконга и сопутствующие этому переговоры между представителями военно-морских командований двух стран.

Американский «ответ» не заставил себя ждать, и после полугодового перерыва американские самолёты совершили пролёт над акваторией Южно-Китайского моря в рамках «операции по поддержанию свободы судоходства» в этом районе.

## АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ «ТОРГОВАЯ ВОЙНА»

В официальном лексиконе Вашингтона и Пекина отсутствует применительно к американо-китайским торгово-экономическим противоречиям их определение как «торговая война». Однако по их остроте, глубине и масштабности данная терминология вполне оправдана.

Боевые действия начал, естественно, Белый дом. Озаботившись сразу же после окончания избирательной кампании «российским вмешательством во внутриамериканские дела», Д. Трамп несколько задержался с наступлением на китайском «торговом фронте». Тем не менее первые «предупредительные залпы» раздались уже весной – летом 2017 года\*.

В апреле был введён запрет на поставки в США телекоммуникационной продукции китайской компании “ZTE” под предлогом её сотрудничества с КНДР и Ираном. В августе 2017 г. Д. Трамп отдал указание Торговому представительству США начать расследование торгово-экономической политики КНР, особенно касающейся «незаконного» приобретения технологий и интеллектуальной собственности.

Основные «боевые действия» администрация США развернула в начале 2018 г. В январе были введены первые дополнительные пошлины на импорт китайских солнечных батарей и стиральных машин. В марте на основе итогов расследования Торгового представительства США Д. Трамп подписал меморандум «О борьбе с экономической агрессией Китая», который на основе секции 3012 Закона о торговле от 1974 г., позволяющей вводить санкции в отношении стран, «уличённых в манипулировании рынками» определил три направления «борьбы» с Китаем – в сфере интеллектуальной собственности, повышения тарифов, инвестиционных ограничений. В марте же США ввели дополнительные пошлины на сталь (25%) и алюминий (10%).

В апреле 2018 г. последовал китайский «зеркальный ответ». Китай на временной основе повысил пошлины на 120 американских товаров в размере от 15 до 25%. В Пекине точно подсчитали, что пошлины затронут такой же объём американской экспортной продукции, как и китайский экспорт алюминия и стали.

Администрация США продолжала наступление, перейдя к тактике «угроз». В апреле было объявлено о намерении ввести 25%-ные пошлины на 1313 китайских товаров, стоимость экспорта которых в США составляла 50 млрд. долларов.

В перечень товаров были включены такие позиции, как робототехника, биофармацевтика, новые материалы, ядерные реакторы, измерительные аппараты и другая продукция, которая имеет отношение к реализации китайской программы «Сделано в Китае-2025». Эта программа весьма беспокоит

---

\* В 2017 г. товарооборот между США и Китаем превысил 710 млрд долл. При этом китайский экспорт в США составил 523 млрд долл. (19% всего китайского экспорта), а американский экспорт в Китай достиг лишь 187,5 млрд долл. (8% всего американского экспорта). Подробнее см.: [9].

американцев, поскольку ставит задачу путём развития десяти наиболее передовых направлений – робототехника, информационные технологии, авиационное и космическое оборудование, морское оборудование и высокотехнологичные корабли, железнодорожный транспорт, новые энергоносители, энергетическое оборудование, сельскохозяйственное оборудование, новые материалы, биотехнологии и медицинские приборы – обеспечить удвоение ВВП и вывести страну в безусловные экономические лидеры, оставив США далеко позади.

Китайское руководство реагировало на американские «удары» достаточно спокойно, но давало понять, что у него есть свои «козыри», о чём свидетельствовало апрельское введение пошлин на американские товары. Но в то же время Пекин не был заинтересован раскручивать гонку «торговых претензий».

Демонстрируя «добрую волю», Пекин пошёл на переговоры с администрацией Д. Трампа, которые состоялись в Вашингтоне в мае 2018 г. По их итогам было объявлено, что Пекин согласен на уступки и обещал сократить дефицит торгового баланса США в торговле с Китаем на 200 млрд долл. к концу 2020 г., значительно увеличив импорт американских товаров и услуг.

Однако это не остановило обмен «угрозами».

6 июня 2018 г. вступило в силу повышение на 25% таможенных тарифов на 818 китайских товаров, стоимостью экспорта в 34 млрд. долл. В тот же день Китай ответил повышением на 25% пошлин на 545 американских товаров, среди которых были самолёты, автомобили, химические товары, сельскохозяйственная продукция. И вновь китайский «ответ» был «зеркальным». Стоимость американского экспорта составляла также 34 млрд. долларов [10].

Как показали статистические данные, введённые до осени 2018 г. американские ограничения китайского импорта не оказали серьёзного воздействия на китайское присутствие на американском рынке. Прирост китайского экспорта в США составил более 13%, а темпы роста импорта из США остались, по существу, прежними – около 11%.

Сыграло свою роль понижение курса юаня по отношению к доллару и рост американской экономики.

В сентябре 2018 г. администрация Д. Трампа объявила о введении дополнительных пошлин в 10% на китайские товары экспортной стоимостью в 200 млрд долл., среди которых были главным образом товары электронной промышленности. При этом с 1 января 2019 г. они повышались до 25%.

При этом китайская сторона была предупреждена не «отвечать на это зеркально», так как в противном случае последует повышение тарифов, затрагивающее еще 267 млрд долл. китайского экспорта. Пекин информировал, что его ответные меры не будут по стоимости «зеркальными», а «ограничатся» пошлинами на американские товары экспортной стоимостью в 60 млрд долларов.

Американо-китайские торговые переговоры велись с весны 2018 г. и весь 2019 г. по модели – то переговоры, то осложнения.

В декабре 2018 г. в ходе встречи Д. Трампа и Си Цзиньпина в рамках проведения саммита G20 в Аргентине была достигнута договорённость о приостановке торговой войны.

Китайское руководство периодически посылало сигналы о готовности идти на определённые уступки. В марте 2019 г. было принято решение о снятии требования об обязательной передаче зарубежными компаниями технологий при создании совместных предприятий в Китае (на этом настаивали не только американские, но и европейские компании).

Однако администрация США, не видя реального сокращения американского дефицита в торговле с Китаем, отказалась от «перемирия» на время переговоров под предлогом отказа Китая следовать американским требованиям по защите интеллектуальной собственности.

В мае 2019 г. было принято решение ввести «второй пакет» тарифов – их повышение на 25%. Это привело к остановке переговоров. Вторая половина 2019 г. прошла в напряжённом ожидании не только в США и Китае, но и во многих странах, реально опасаящихся, что торговая война Вашингтона и Пекина может иметь серьёзные негативные последствия для состояния мировых рынков.

Д. Трамп наращивал давление на китайскую сторону, призывая Китай в своём «Твиттере» «заключить реальную сделку и перестать валять дурака». При этом он продолжал подчёркивать свои дружеские отношения с председателем КНР.

В конечном итоге во второй половине 2019 г. переговоры возобновились, и 15 января 2020 г. стороны подписали в Вашингтоне обширный документ (86 страниц), который Д. Трамп с присущим ему пафосом охарактеризовал как «изумительный» и «один из величайших в истории». Соглашение подписали Д. Трамп и вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ. Си Цзиньпин в Вашингтон не прилетел, а на это американский президент весьма рассчитывал.

По соглашению, которое вступило в силу через месяц после подписания, Китай согласился увеличить закупки американской продукции на 76,7 млрд долл. в течение первого года его действия и на 123, 3 млрд долл. – в течение второго. В первый год Китай обязался закупить американскую сельскохозяйственную продукцию на сумму 12,5 млрд долл., а во второй год – на 19,5 млрд долл. Приобретение американских услуг должно увеличиться на 12,8 млрд долл. в первый год и на 25,1 млрд долл. – во второй. Китай обещал закупать больше американских энергоносителей: на 18,5 млрд долл. в первый год и на 33,9 млрд долл. – во второй. Американские компании «Виза» (*Visa*), «Мастер кард» (*Master Card*), «Америкэн экспресс» (*American Express*) получили доступ к китайскому платёжному рынку. Соглашение содержит положения, касающиеся защиты патентов и борьбы с контрафактной продукцией, отказ китайской стороны от политики побуждения американских компаний передавать технологии в случае развёртывания своего производства в Китае.

Д. Трамп, конечно же, заявил о своей «большой победе», открывшей впервые возможность существенного снижения американского дефицита в торговле с Китаем. Он не без оснований получил одобрение своих действий со стороны многих американских компаний, а также фермеров, нефтяников и газовиков.

Пекин, понимая, что на уступки идти придётся, постарался обеспечить себе ряд американских уступок.

США отказались вводить планировавшиеся пошлины на мобильные телефоны, ноутбуки и игрушки, вдвое снизили (до 7,5%) тарифы на телевизоры, обувь и другие товары (стоимостью 120 млрд долл.). Министерство финансов США исключило Китай из списка «валютных манипуляторов».

В то же время уже введённые тарифы на китайские экспортные товары могут быть снижены только по итогам второй фазы сделки, а они определены в размере 25% на китайские промышленные товары и компоненты объёмом в 250 млрд долларов.

Заключённое 15 января 2020 г. соглашение рассматривалось в Вашингтоне как первая фаза торговых договорённостей.

За первые шесть месяцев 2020 г. товарооборот американо-китайской торговли сократился на 9,7%, составив 234 млрд долл. Экспорт Китая упал на 11,1% – до 177,5 млрд долл., импорт снизился на 4,8% – до 56,4 млрд долл. [11]. При этом сказалось не только выполнение Китаем торгово-экономического соглашения с США (китайский импорт сои возрос, хотя и не столь значительно, как было согласовано), но и влияние на мировую торговлю пандемии коронавируса COVID-19.

Ещё предстоит оценить, насколько добросовестно стороны будут выполнять достигнутые договорённости. Появились сомнения в том, что американские производители смогут предоставить товары для китайских закупок необходимого количества и качества.

Сохраняются противоречия в особо чувствительных для США сферах, прежде всего – коммуникационных и военных технологий.

После показательного преследования крупнейшей китайской компании «Хуавей» (*Huawei*) «за осуществление промышленного шпионажа», был введён в действие президентский указ «О защите информации, коммуникационных технологий и цепей поставок услуг» под предлогом возрастающих рисков враждебных действий противников США в информационной сфере.

11 сентября 2018 г. Министерство финансов США ввело санкции против Департамента подготовки войск и снабжения Центрального военного совета КНР. Под предлогом покупки Китаем десяти российских истребителей Су-35, а также оборудования для ракет комплекса С-400 был введён запрет на выдачу сотрудникам Министерства обороны КНР экспортных лицензий.

Как справедливо отмечает член-корреспондент РАН В.Б. Супян, «по мере укрепления Китая фактор усиления конкуренции становится в этих отноше-

ях (американо-китайских) преобладающим... Наиболее важным в данной ситуации становится то обстоятельство, что обусловленная научно-техническим прогрессом глобализация мировой экономики, в том числе и достаточно тесное переплетение экономики США и Китая, вступает в противоречие с национальными интересами обеих стран, стремящихся укрепить свои позиции и роль в мировом хозяйстве» [Супян В.Б., 2019].

К этому следует добавить, что пандемия коронавируса *COVID-19* и её влияние на экономику ведущих государств мира способно внести коррективы в стратегию сторонников глобализации и либерализации внешней торговли, лидером которой выступает Китай, и приверженцами экономического национализма, опоры на «собственные силы» и импортозамещения, которых становится всё больше (Великобритания, Франция, Россия), не говоря уже о США, возглавляемых администрацией Д. Трампа.

В апреле 2020 г. Д. Трамп допустил расторжение торгового соглашения с Китаем от 15 января 2020 г. в случае его неисполнения Пекином вследствие серьёзного ухудшения мировой экономической конъюнктуры из-за коронавируса.

## **ВАШИНГТОН И «КОРЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ» КИТАЯ**

Набор проблем, затрагивающих, как они определены Пекином, китайские «коренные интересы», которые используют США для оказания воздействия на внешнюю и внутреннюю политику Китая, включает настоящее и будущее Тайваня, особый статус Гонконга, положение национальных и религиозных меньшинств в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, обеспечение прав и свобод человека, экспансия в Южно-Китайском море. Д. Трамп использовал все указанные «болевы́е точки» для оказания давления на Пекин.

Особо болезненно китайское руководство реагирует на любые попытки Вашингтона использовать вопрос о статусе Тайваня в целях давления на Китай, его сдерживания.

Вице-президент М. Пенс в одном из своих публичных выступлений однозначно дал понять, что США продолжают разыгрывать в отношениях с Пекином «тайваньскую карту». Как он подчеркнул, «Америка будет всегда верить, что тайваньская преданность демократии показывает лучший путь всем китайцам».

В связи с «тайваньской проблемой» министр иностранных дел КНР Ван И во время визита госсекретаря М. Помпео в Пекин 8 октября 2018 г. призвал США «прекратить неправильные действия, которые наносят ущерб китайским национальным интересам» [3].

Дж. Болтон, ещё до того, как занял пост помощника президента по национальной безопасности, выступил за то, что в отношениях с Китаем необходимо

разыгрывать «тайваньскую карту», в том числе ратовал за отправку американских войск на Тайвань [3].

Хотя официально Вашингтон, и это подтвердил Д. Трамп, придерживается «политики одного Китая», тем не менее США продолжают оказывать поддержку Тайваню и развивать с Тайбэем разносторонние контакты и связи, ряд которых носит полуофициальный характер.

Более того, при президенте Д. Трампе американская администрация начала действовать на «тайваньском направлении» активнее, нежели администрация Б. Обамы.

Игнорируя недовольство и даже протесты Китая, США нарастили военнотехническое сотрудничество с островом. В 2017 г. Тайваню было поставлено американского оружия на сумму 1,4 млрд долл., а в сентябре 2018 г. Государственный департамент США одобрил продажу Тайбэю запасных частей для истребителей *F-16* и других боевых самолётов на сумму 350 млн долларов.

Были возобновлены проходы американских боевых кораблей через Тайваньский пролив. В ноябре 2018 г. американский эсминец и исследовательское военное судно ВМФ США прошли Тайваньским проливом, а последнее совершило заход на остров. МИД КНР в связи с этим подчеркнул, что китайская сторона «категорически против любых отношений в военной сфере между США и Тайванем» и потребовал прекратить все незаконные отношения, в первую очередь, в военной области с Тайбэем.

Д. Трамп издал президентский указ, разрешающий американским официальным лицам посещать Тайвань. Серьёзное недовольство Пекина вызвало намерение направить в июле 2020 г. в Тайбэй, впервые после 1979 г., представителя американской администрации – министра здравоохранения Алекса Азара.

Китай ответил направлением в Тайваньский пролив группы боевых кораблей во главе с авианосцем «Ляонин», а на параде, посвящённом 70-й годовщине образования КНР 1 октября 2019 г., продемонстрировал новейшие образцы ракетного вооружения – ракету *DF-17* дальностью более 2000 км, которая предназначена для поражения американских авианосцев на дальних подступах к Тайваньскому проливу.

Прозвучало предупреждение и тайваньским властям.

В опубликованной 24 июля 2019 г. «Белой книге по национальной обороне Китая в новую эру» подчёркивается, что китайская сторона не давала никаких обещаний отказаться от использования силы, если тайваньские власти предпримут попытку провозгласить «независимость Тайваня». С 2008 г. было впервые указано на то, что китайские вооружённые силы будут применены «для решительного и полного устранения этого любой ценой» [12].

В докладе китайского правительства на сессии ВСНП была снята прежняя формулировка о «мирном воссоединении» Китая и Тайваня в качестве приоритетного решения тайваньской проблемы.

В ноябре 2019 г. Д. Трамп подписал закон «О правах человека и демократии в Гонконге», который обязал Госдепартамент не реже раза в год предоставлять отчёт о том, сохраняет ли город достаточную долю самостоятельности. Если будет установлено, что он полностью лишён автономного статуса, то в таком случае США введут антикитайские санкции.

Одновременно президент США подписал закон о запрете поставок в Гонконг полицейского снаряжения, используемого для разгона массовых мероприятий: слезоточивого газа, электрошокеров, резиновых пуль.

В связи с принятием в июне 2020 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей закона «О национальной безопасности», предусматривающего меры по противодействию подрывным действиям и терроризму в Гонконге и антикитайским демонстрациям на этой территории, США ввели в июне 2020 г. ряд санкций в отношении конкретных представителей КПК за их «действия в отношении Гонконга».

Разъясняя мотивы, побудившие его принять указанные меры, Д. Трамп публично выступил с примечательным заявлением, суть которого сводилась к тому, что он подписал законы из уважения к председателю КНР, Китаю и народу Гонконга с надеждой, что они помогут руководителям Китая и представителям Гонконга мирно урегулировать свои разногласия.

Лидеры протестного движения приветствовали действия американского президента, а власти Гонконга и Китая осудили их. При этом МИД КНР выступил с предостережением против намерений Вашингтона использовать санкции против Китая.

Вашингтон традиционно поднимал, особенно в различных международных организациях, включая ООН, вопрос о нарушении прав и свобод человека в Китае. Д. Трамп развернул вокруг него фактически антикитайскую информационно-пропагандистскую войну.

Вашингтон при широкой поддержке зависящих от него НПО развернул кампанию критики действий китайских властей по нарушению прав национальных и религиозных меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в насильственном «идеологическом воспитании» проживающих там мусульман.

В июне 2020 г. Д. Трамп подписал закон о введении против ряда руководителей КПК санкций в связи с нарушениями прав уйгуров в Синьцзяне, а также других этнических и религиозных меньшинств. В июне 2020 г. госсекретарь М. Помпео представил доклад Государственного департамента «О международных религиозных свободах», в котором констатировалось, что «в Китае продолжают интенсифицироваться поддерживаемые государством репрессии против всех религий» [13].

В рамках принятия мер против «китайского вмешательства» во внутренние дела США Министерство юстиции причисляло китайское новостное агентство «Синьхуа» и четыре других китайских СМИ к китайским правительственным

ведомствам и предписало им зарегистрироваться в качестве иностранных агентов, т.е. зарегистрировать соответствующим образом персонал и имущество – соблюдать набор бюрократических ограничений в своей деятельности.

Пекин в ответ аннулировал аккредитации трёх американских журналистов газеты «Уолл-стрит джорнел». Особое недовольство у китайского руководства вызвала опубликованная 3 февраля 2019 г. в этой газете статья под заголовком «Китай и есть настоящий больной Азии». Заголовок «напомнил» об уничтожении Китая западными странами в конце XIX – начале XX века, в которых китайцев именовали не иначе как «больными азиатами».

Реакция американской администрации последовала в весьма жёсткой форме. Со 160 до 100 журналистов было сокращено их количество с разрешением работать в США. Китайский ответ – 13 американских журналистов должны покинуть Китай.

В американо-китайских отношениях 2020 год характеризовался постоянными обмёнами болезненными угрозами – Вашингтона и Китая, причём разноплановыми. Обвинив Генеральное консульство Китая в Техасе в шпионской деятельности, администрация США потребовала его закрытия. Пекин ответил закрытием генконсульства США в Чэнду.

Стороны обменялись дополнительной высылкой ряда представителей СМИ. Вашингтон обвинил китайские власти в использовании передовых технологий в своих соцсетях для получения информации о личных данных миллионов американцев с целью манипуляций общественным мнением в США.

Принято считать, что одним из отличий противоборства между США и СССР периода холодной войны и нынешнего противостояния США и КНР является отсутствие борьбы на идеологическом фронте.

Вместе с тем в последнее время всё отчётливее проявляется акцент китайского руководства на превосходстве китайской политической, экономической и социальной модели развития – «социализма с китайской спецификой», над моделью «либерального капитализма» Запада.

В США не прошло незамеченным выдвижение на XIX съезде КПК тезиса «об общей судьбе человечества» с предложением развивающимся странам следовать «модели успешного развития по-китайски». В Пекине ярко отметили 250-ю годовщину со дня рождения Карла Маркса, пригласив на празднование представителей социалистических и коммунистических партий из многих стран.

Потому не случайно при президенте Д. Трампе летом 2020 г. впервые было на самом высоком официальном уровне развёрнуто пропагандистское наступление на Коммунистическую партию Китая, которая была фактически объявлена «идеологическим противником».

Госсекретарь М. Помпео в своём «Твиттере» 26 июня заявил, что КПК «безжалостно навязывает коммунизм, намерена разрушить западные демократии, покончить с демократическими ценностями».

Его оценки в публичном выступлении поддержал помощник президента по национальной безопасности Роберт О'Брайен, охарактеризовавший Компартию Китая как марксистско-ленинскую, лидер которой считает себя продолжателем дела Сталина. «Пекин, – подчеркнул он, – хочет переделать мир по китайскому коммунистическому образцу» [14].

Судя по развёрнутой кампании по дискредитации КПК, поставлена задача подорвать доверие широких слоев китайского населения к руководству страны, дестабилизировать обстановку во внутренних районах Китая и в Гонконге, а также использовать тезис о «китайской коммунистической угрозе» для создания негативного международного восприятия Китая.

Причём особый акцент был сделан на раскручивании темы вины Пекина и конкретно КПК за пандемию коронавируса *COVID-19*.

Д. Трамп сразу же после вспышки заболевания демонстративно начал именовать новый вирус «китайским». Затем, по мере того как США стали страной с наибольшим числом заболевших и умерших от вируса, а американская экономика всё более и более погружалась в предкризисное состояние, на Китай посыпался град критики.

Последовали упреки в адрес китайского руководства в том, что оно не раскрыло полной информации об эпидемии, скрыло истинное количество больных и умерших, вовремя не заявило о большой опасности. В результате и Всемирная организация здравоохранения приняла китайскую точку зрения и не предупредила США и другие страны о большой опасности вируса.

Американскую критику поддержал ряд стран Европы и представители ЕС. Более того, разведслужбам США было поручено выявить происхождение вируса, а именно проверить, не произошла ли его утечка из биологической лаборатории в Ухане.

Никки Хейли, бывший представитель США в ООН (2017–2018 гг.) в статье в газете «Вашингтон пост» 29 апреля заявила, что ложь и сокрытие фактов о коронавирусе Китаем не является «худшей опасностью», которую «представляет собой китайский коммунизм». Перечислив многочисленные угрозы, которые несёт Китай – от «лагерей переобучения» национальных меньшинств до наращивания ядерного потенциала, она сделала вывод о том, что китайское руководство твёрдо привержено коммунистической идеологии, считает свою систему наилучшей и стремится продвигать её любым способом. «Экспансионистский коммунистический Китай, – подчеркнула она, – имеет экономическую мощь, которая далеко превосходит всё то, что имел Советский Союз в период холодной войны. Именно поэтому “свободным странам” необходимо объединиться и остановить Китай».

После того как Китай с помощью жёстких административных мер справился с болезнью и начал оказывать медицинскую помощь ряду стран, последовали обвинения в адрес Пекина, что он пытается использовать «вирусную дипломатию для продвижения своей лидирующей роли в мире».

Китай со своей стороны развернул широкую контрпропагандистскую кампанию.

Военно-морские силы США увеличили и активизировали своё присутствие в Южно-Китайском море (ЮКМ), расширили масштабы военных учений. Вашингтон усилил критику политики Китая по «колонизации» территорий в ЮКМ. В июле 2020 г. все американские посольства в регионе получили указание развернуть кампанию неприятия политики Китая в ЮКМ, как «абсолютно незаконной», по определению госсекретаря М. Помпео [15].

Американские аналитики полагают, что в ЮКМ Китай использует «стратегию салями», т.е. стремится менять ситуацию в этом районе в свою пользу на основе постоянных малых шагов, каждый из которых, хотя и может вызывать недовольство США и ряда других стран, но не способен спровоцировать вооружённый конфликт.

По мнению директора Центра изучения современного Китая Университета Пенсильвании Э. Голдстейна, хотя шансы на то, что постоянные противоречия между Китаем и США по поводу ЮКМ могут в ближайшие годы привести к острому кризису, способному быстро перерасти в вооружённый конфликт, невелики, полностью исключать подобное развитие ситуации не следует [Goldstein Avery, 2013: 136-139].

По мнению американских военных экспертов, уже в настоящее время создание Китаем на островах ЮКМ аэродромов, средств ПВО, размещение противокорабельных ракет лишили США роли доминирующей державы в этом районе, размыли среди региональных стран представление о неизменном американском военном превосходстве и продвинули Китай к реализации концепции «китаецентричного региона».

Реализуя программу модернизации НОАК, военно-политическое руководство Китая добилось создания мощного оборонно-промышленного комплекса, обеспечивающего оснащение армии и флота самым передовым вооружением. В результате НОАК достигла уровня наиболее мощных вооружённых сил в мире.

В то же время в Пекине отдают себе отчёт в том, что, серьёзно нарастив военный потенциал, Китай ещё долгое время будет отставать от США по совокупной военной мощи и существенно уступать по накопленному национальному богатству. С такими оценками согласно большинство американских и китайских политологов и аналитиков.

Однако, хотя Китай пока не может проецировать силу в глобальном масштабе, он может бросить военный вызов правительству в важнейших для него водах вокруг Тайваня и в ЮКМ.

После выхода из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) в октябре 2018 г. Д. Трамп высказался за обсуждение нового формата по ограничению ракетно-ядерных вооружений с Россией и Китаем.

Согласно опубликованному в феврале 2019 г. докладу комиссии Конгресса по обзору американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности было указано на то, что Китай имеет более 2000 ракет, 95% которых малой и средней дальности (400–600 ракет дальностью от 1000 и более километров). Почти все эти ракеты могут нести как ядерные, так и обычные боеголовки [16].

Непосредственно после этого предложения президента США о трехсторонних переговорах по ДРСМД появились комментарии многих видных политологов и экспертов по проблемам ракетно-ядерных вооружений, отмечавших довольно абстрактный призыв президента США к переговорам в тройственном формате и вызывавших сомнения в серьёзности его намерений [17; 18].

Китай негативно прореагировал на идею проведения тройственных переговоров, заявив, что выступает против такого формата и что в целом КНР развивает свой ракетно-ядерный потенциал исключительно в оборонительных целях, согласно которым не ставится задача угрожать кому бы то ни было.

Китайское руководство с серьёзной озабоченностью восприняло антикитайское наступление администрации Д. Трампа по всем направлениям. Осознавая, что, хотя Китай достиг значительных успехов в экономическом и научно-техническом развитии, в модернизации вооружённых сил, он пока не обладает достаточным потенциалом, чтобы вступить с США в открытую схватку и отвечать каждый раз «ударом на удар».

На пресс-конференции 24 мая 2020 г. министр иностранных дел Ван И заявил о готовности Китая в «духе невступления в конфликт и конфронтацию, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества работать вместе с США для построения скоординированных, кооперативных и стабильных китайско-американских отношений». При этом были обозначены условия, при которых Китай не пойдёт на построение таких отношений. А именно: «Китай не может поступиться своими обязанностями защищать суверенитет, территориальную целостность и законное право на развитие, отстаивать авторитет и достоинство».

Примечательно, что руководитель китайского внешнеполитического ведомства не критиковал Д. Трампа и его администрацию за раскручивание широкой антикитайской кампании и обвинил «некие политические силы в США, которые пытаются взять китайско-американские отношения в заложники для развертывания новой холодной войны» [19].

Если высшее руководство Китая проявляет известную сдержанность и демонстрирует готовность к достижению компромиссных договоренностей с США, конечно, не в ущерб китайским национальным интересам, то в китайских политических, военных и научных кругах отмечается рост националистических настроений, всё более активно звучат предложения развернуть «наступатель-

ную дипломатию», так как времена покорности, послушания, смирения Китая давно прошли.

К «достижениям» Д. Трампа в политике на китайском направлении можно отнести стимулирование значительного роста антикитайских настроений в США. В 2020 г., согласно опросам общественного мнения, две трети американцев негативно относились к Китаю (в 2017 г. таких было 47%).

Антикитаизм довольно прочно укоренился в американском истеблишменте, в котором Китай всё более воспринимается как угроза национальной безопасности США. Значительный рост антикитайских настроений наблюдается в Конгрессе, военных кругах, деловом сообществе, научных центрах, в которых руководство Китая однозначно определяется главным противником в американской политике, в значительной степени замещая Россию, многие годы находившуюся в центре противоборства.

Как отмечает профессор Стэнфордского университета Д. Спайдер, в администрации Д. Трампа имеется группа «жёстких идеологов, многие из которых рассматривают Китай как тоталитарное коммунистическое государство, стремящееся к глобальному доминированию», и потому, делает он вывод, «отсутствует реальная перспектива взаимодействия между двумя странами» [20]. Это мнение разделяется подавляющим большинством представителей профессионального сообщества, связанного с проблемами безопасности. Они исходят из того, что США вступили в эпоху стратегического противостояния с КНР, включающего политическую, военную, экономическую и технологическую конкуренцию.

В Белом доме, как представляется, существует понимание, что радикальное ухудшение отношений США с Китаем чревато многими потерями для американских интересов, перспективой получить холодную войну на двух фронтах – китайском и российском.

В июне 2020 г. на Гавайских островах состоялась встреча государственного секретаря США М. Помпео и члена политбюро ЦК КПК Ян Цзечи с целью сохранить каналы двусторонних связей на высоком уровне и попытаться в какой-то степени стабилизировать американо-китайские отношения, предотвратить их скатывание к полномасштабной холодной войне. Содержание встречи обе стороны предпочли не раскрывать. Однако, по просочившейся информации, по наиболее существенным для Пекина проблемам – вмешательство США во внутренние дела Китая, автономия Гонконга, притеснение национальных меньшинств в Синьцзяне, статус Тайваня – договориться не удалось.

Как бы подытоживая результаты американской политики на китайском направлении, М. Помпео в своём выступлении 24 июля 2020 г., в президентской библиотеке Ричарда Никсона, объяснил причину неудачи китайской политики США «порочностью прежней системы взаимодействия с Китаем». «Требуется, – подчеркнул он, – новая стратегия, которая бы обеспечила свободы в XXI веке, не

допустила наступления китайского столетия, защитила бы американскую экономику и американский образ жизни» [21].

Вместе с тем он признал, что США в одиночку не в состоянии противостоять КНР и необходимо создать альянс с другими демократическими странами, как это было сделано при противоборстве с СССР [21].

«Новая китайская стратегия» в представлении администрации Д. Трампа, как выпукло продемонстрировали действия Белого дома в отношении Пекина в 2020 г., предусматривает полный отказ от попыток «вовлечения» Китая в сферу американского влияния и акцент не столько на сдерживании, сколько на дозированной конфронтации, без скатывания к открытой силовой стадии.

В целом же развёрнутая при Д. Трампе стратегия «декитаизации» привела к серьёзнейшему за многие десятилетия ухудшению отношений США с Китаем.

## ИСТОЧНИКИ

1. *Асахи симбун*, 22 июня 2019 г.
2. *Асахи симбун*, 4 октября 2018 г.
3. *The Japan Times*, October 17, 2018.
4. *Майнити симбун*, 10 февраля 2017 г.
5. *Жэньминь жибао*, 10 ноября 2016 г.
6. *Жэньминь жибао*, 10 ноября 2017 г.
7. Храмчихин А.А. Америка ставит на военную мощь. *Независимая газета*. 13.08.2018. Available at: [http://ng.ru/armies/2018-08-13/7\\_7287\\_rocket.html?print=Y](http://ng.ru/armies/2018-08-13/7_7287_rocket.html?print=Y) (accessed 10.09.2020).
8. *The Japan Times*, January 31, 2018.
9. Горбунов В.Н. Китайский синдром Дональда Трампа. *Независимая газета*, 24 июня 2019 г.
10. Главное таможенное управление Китая. Available at: <http://www.customs.gov.cn./07.09.2018> (accessed 10.09.2020).
11. *Жэньминь жибао*, 21 мая 2020 г.
12. China's National Defense in the New Era (July 2019). Ministry of National Defense of the People's Republic of China Available at: [http://eng.mod.gov.cn/news/2019-07/24/content\\_4846443.htm](http://eng.mod.gov.cn/news/2019-07/24/content_4846443.htm) (accessed 14.09.2020).
13. *Асахи симбун*, 18 июня 2020 г.
14. Владимир Скосырев. В США Си Цзиньпина назвали наследником Сталина. *Независимая газета*. 25 июня 2020 г. Available at: [https://www.ng.ru/world/2020-06-25/6\\_7895\\_usa.html?print=y](https://www.ng.ru/world/2020-06-25/6_7895_usa.html?print=y) (accessed 10.09.2020).
15. *Асахи симбун*, 21 июля 2020 г.
16. Jacob Stokes. "China's Missile Program and U.S. Withdrawal from the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty", Staff Research Report, U.S.-China Eco-

conomic and Security Review Commission. February 4, 2018, p.3. Available at: [https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China%20and%20INF\\_0.pdf](https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China%20and%20INF_0.pdf) (accessed 14.09.2020).

17. Robert Emmott. China rebuffs Germany's call for U.S. missile deal with Russia. *Reuters*, February 17, 2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-germany-security-china/china-rebuffs-germanys-call-for-u-s-deal-wih-russia-idUSKCN1Q50NZ?il=0> (accessed 14.09.2020).

18. Shen Dingli. What the post-INF Treaty world will be like. *China Daily*, February 21, 2019. Available at: <https://global.chinadaily.com.cn/a/201902/21/WS5c6dea76a3106c65c34ea76e.html> (accessed 14.09.2020).

19. Жэньминь жибао, 25 мая 2020 г.

20. United States Strategic Approach to the People's Republic of China. White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf> (accessed 10.09.2020).

21. *Washington Post*, July 25, 2020.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панов А.Н. Основные направления современной политики США в отношении Северо-Восточной Азии. В кн.: Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. 432 с.

Суйян В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 9. С. 23-32.

## REFERENCES

Feng Zhang. Tillerson Speaks Chinese. *Foreign Affairs*, April 4, 2017. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-04-04/tillerson-speaks-chinese> (accessed 14.09.2020).

Goldstein Avery. China's Real and Present Danger. *Foreign Affairs*, September/October 2013. P.136-139.

Kurt M. Campbell and Ely Ratner. The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations. *Foreign Affairs*, March/April 2018.

Kuttner Robert. Steve Bannon, Unrepentant. *The American Prospect*, August 16, 2017.

Panov A.N. Osnovnye napravleniia sovremennoi politiki SShA v otnoshenii Severo-Vostochnoi Azii [Main directions of the modern policy of the USA toward North-East Asia] // Transformatsiia mezhdunarodnykh otnoshenii v Severo-Vostochnoi Azii i natsional'nye interesy Rossii [Transformation of International Rela-

tions in North-East Asia and National Interests of Russia] (In Russ.). Ed. by Torkunov A.V., Streltsov D.V. Moscow, Aspect Press, 2019. 432 p.

Rosenberger Laura. Did Rex Tillerson Misspeak or Intentionally Kowtow to China? *Foreign Policy*, March 22, 2017. Available at: <https://foreignpolicy.com/2017/03/22/did-rex-tillerson-misspeak-or-intentionally-kowtow-to-china/> (accessed 8.09.2020).

Stone Fish Isaac. Why Chinese Elites Endorse Hillary Clinton. *Foreign Policy*, November 7, 2016. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/11/07/why-chinese-elites-endorse-hillary-clinton/> (accessed 10.09.2020).

Supyan V.B. Amerikano-kitaiskie trgovno-ekonomicheskie otnosheniia: prichiny krizisa i ego perspektivy [US-China trade relations: causes of crises and prospects] (In Russ.). *Russian Foreign Economic Journal*. 2019. No.9. P. 23-32.

## **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

**ПАНОВ Александр Николаевич**, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3; заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

**Alexander N. PANOV**, Doctor of Sciences (Politics), Chief Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation; Head of the Department of Diplomacy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.